

фантастическая
история

Книги Ивана Оченкова
в серии «Фантастическая История»

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПРИНЦА ИОАННА МЕКЛЕНБУРГСКОГО
ВЕЛИКИЙ ГЕРЦОГ МЕКЛЕНБУРГА
КОНЕЦ СМУТЫ
ПУШКИ ЦАРЯ ИОАННА
ГОСУДАРЕВО ДЕЛО

фантастическая
история

Иван Оченков
Госцдарево
дело

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

«В семь тысяч сто двадцать седьмое лето Господне¹ ходил великий государь, царь и великий князь Иван Федорович в поход на нечестивых датчан, Христа забывших и по диавольскому наущению творивших разбой, непотребство и всякое разорение чинивших православным.

С Божьей помощью войско христоролюбивого государя супостата одолело и воеводство датское на острове Эзель, именуемом также Саарема, разорило и разграбило. А великий государь брату своему королю Кристиану написал, что если тот хочет жить с ним в братской любви и полном согласии, то пусть не ходит больше войной на Русское царство, и тогда-де будет меж нами мир.

А коли он этого кроткого увещевания не послушает и в богомерзкой гордыне опять с войной пойдет, то пусть на себя одного пеняет, а хулы небесам возносить не смеет, ибо доселе оружие наше было счастливо, а если с нами Бог, то кто же на ны?»

— Что, так и написали? — хмыкнул я, дослушав чтение Клим Рюмина.

— Слово в слово, — подтвердил думный дьяк.

— Н-да, изящный стиль, что тут скажешь!

Глава Посольского приказа² в ответ только пожал плечами, дескать, не нами заведено, не нам и переиначивать. К тому же, по совести говоря, он прошедшим походом и сам доволен. Как-никак именно он в плену сидел, хоть и виноват в этом был покойный Карл Юхан Юленшерна, а вовсе не датский король,

¹ 1619 год от Р. Х. — *Здесь и далее примеч. авт.*

² П р и к а з — орган управления в Русском государстве. С определенной тяжестью его можно сравнить с департаментом или министерством. Управляли ими на самом деле дьяки, а бояре или окольничие осуществляли от имени царя судебную власть.

неосторожно предоставивший убежище шведскому изгнаннику. Убедившись, что возражений больше нет, Рюмин продолжил:

— Одолев супостата, великий государь возвратился в Москву, привезя с собой царицу Катерину, царевича Дмитрия Ивановича и царевну Евгению, коих король датский по дьявольскому наущению через море не пропускал, отчего государь наш в превеликой печали был, лишь на единого Господа уповая.

То, что мне читает думный дьяк, — не что иное, как «Куранты» — первая русская газета. Ну, до настоящего средства массовой информации этому куцему листку с отпечатанным на нем текстом еще далеко, но, как говорится, лиха беда — начало! А вот кто я такой... Когда-то давно звали меня Иван Никитин и был я самым обычным человеком, пока не умер... Странно звучит, правда?

В общем, легенда о переселении душ оказалась не такой уж и выдумкой, и моя душа, или, если угодно, сознание очутилось в теле захудалого немецкого принца, которого совсем некстати собирались предать суду за злостную приверженность ереси и без излишних сантиментов сжечь, чтобы другим было неповадно.

Я, разумеется, бежал, скрывался, странствовал, и кончилось все тем, что меня с отрядом таких же отчаянных парней занесло на раздираемую Смутой Русь. Ну а там именно меня и выбрали на Соборе 1613 года царем, а вовсе не Мишу Романова, как в том варианте истории, который я, хоть и не очень хорошо, знал.

«Очень приятно, царь!»

— Отец, какой необычный в этом дворце тронный зал! — подбежал ко мне сын.

Да, сын. В промежутках между битвами, походами и кутежами я ухитрился жениться и завести двоих детей, это я сейчас только про законных. Есть еще и другие, грешен. Зовут его Карл Густав. Жenuшка постаралась. Вообще-то она самая настоящая принцесса и дочь короля. Пока я воевал на чужбине, она воспитывала детей, управляла моим княжеством — Мекленбургом. Иногда у меня складывалось впечатление, что Катарина Шведская (так ее зовут) прекрасно обходилась бы без меня и дальше, так что необходимость переезда в Москву ее не особо обрадовала. Ну да ничего, скоро у моего сынишки будет еще и русское имя. Дмитрий.

— А ты много видел тронных залов? — улыбнувшись, спрашиваю у своего наследника.

— В Стокгольме, в Берлине, в Гюстрове, в Шверине, — начинает перечислять он, деловито загибая пальцы. — Теперь вот в Москве.

Говорим мы, естественно, на немецком. Точнее мекленбургско-померанском диалекте, на котором разговаривают в нашем герцогстве. Русского языка новоявленный царевич, к сожалению, не знает. Катарина не озаботилась, а я далеко был. Но нельзя сказать, чтобы образованием юного принца совсем не занимались. Помимо немецкого он свободно говорит на шведском, несколько хуже на польском, достаточно хорошо понимает латынь и немного французский. А ведь ему всего семь лет!

А вот Марта дочку русскому языку научила... интересно, зачем? Марта — это камеристка моей матери, герцогини Брауншвейг-Вольфенбюттельской Клары Марии. А еще мать моей старшей дочери — Марии Агнессы. Правда, в ту пору, когда мы познакомились, она еще была простой горожанкой и не помышляла о том, что станет матерью принцессы. Да, я признал свою дочь, хотя это вряд ли понравилось моей супруге и ее шведской родне. Но это в прошлом. Марта вышла замуж и, по слухам, счастлива, а я лишь иногда вспоминаю ту озорную девчонку, вместе с которой мы пережили столько приключений.

— Я смотрю, ты много повидал, мой мальчик?

— Да, отец. И я ни разу не видел, чтобы стены в тронном зале были такими закопченными!

Я в ответ только хмыкаю. Буквально только что по схожему поводу я имел разговор с женой, и, надо сказать, он был не из приятных. Помещения в женской половине дворца будущей царице не понравились категорически. Тесные, с низкими потолками, плохо освещенные через маленькие оконца. И это только краткий список претензий, который выкатила мне шведская принцесса. Причем, будучи дамой многоопытной, она с легкостью все обставила так, что я чувствовал себя кругом виноватым, а она была невинной жертвой, которую обманом заманили в убогую хижину, где ей с детьми негде преклонить голову.

Надо сказать, к таким наездам я совершенно не привык. Женщины, время от времени появлявшиеся в моей жизни,

пока я странствовал, ничего подобного себе не позволяли. Приближенные также если имеют ко мне претензии, то выставляют их крайне завуалированно, начиная свою речь с пространных цитат из Священного Писания, а также отсылку к мудрости древних. Дескать, мы от Святого Владимира эдаких непотребств не выдвали и дальше не надобно, хотя на все, царь-батюшка, твоя воля!

— Это от Смуты память осталась, ваше высочество, — приходит мне на помощь Рюмин. — Не единожды весь Кремль горел, будто свечка.

— Но ведь это было семь лет назад, — проявляет осведомленность мой наследник. — Неужели нельзя было все исправить?

Если раньше и были какие-то сомнения, с чьего голоса поет эта маленькая птичка, то теперь они отпали окончательно. Конечно, разлюбезная моя Катарина Карловна времени зря не теряла и все, что считала необходимым, в голову нашему сыну внедрила. Но тут мы еще посмотрим, кто кого!

— Карл Густав, ты видел моих солдат?

— Да, отец.

— У меня был выбор: восстанавливать дворец или армию. Я выбрал армию и отвоевал с ней назад Смоленск, вернул Новгород и отбил новое вторжение Владислава Ваза. А если бы я начал с ремонта этих покоев, в них бы сейчас пировал наш родственник и смеялся над моим глупым решением. А что скажешь ты?

— Конечно, войско важнее! — горячо отвечал сын, как и всякий мальчишка, предпочитавший игру в солдатиков куклам.

— Завтра я покажу тебе Оружейную палату, в которой мастера делают доспехи и вооружение. Потом мы пойдем в литейный двор, посмотрим, как льют пушки. Зайдем в казначейство, и ты увидишь, как чеканят монеты. И тогда ты скажешь мне, что важнее для государства.

— Я понял вас, отец.

— И запомни еще одну вещь, малыш. Она пригодится тебе, когда ты сам станешь править. Сколько бы у тебя ни было ресурсов, на все их не хватит! И государево дело, сиречь искусство управлять, в том и заключается, что нужно уметь отличать главное от второстепенного.

— Я запомню ваши слова, отец!

— А теперь беги к матери.

Мальчик послушно кивнул и отправился на женскую половину дворца. Пока его место там. Скоро по моему приказу соберутся его сверстники со всех краев нашего царства и станут ему товарищами в играх, учебе, а потом и в жизни. Большинство, конечно, будет из самых знатных и влиятельных московских родов, но не только.

— Смышленный, — немного подобострастно похвалил моего сына Клим.

— Весь в мать! — криво усмехнулся я, разом отбив у дипломата желание льстить.

— Крестить-то когда царевича станем? — уже обычным тоном спросил Рюмин, с полуслова понявший намек.

— А вот как Филарет патриархом станет, так первым делом и окрестим. Пусть пока хоть немного язык наш выучит да основы веры греческой.

— Имя вот только... — помялся глава Посольского приказа.

— А как еще предлагаешь наречь царевича, если он в день поминовения Дмитрия Солунского¹ родился? Понятно, что самозваного Дмитрия Ивановича еще многие помнят, но куда деваться?

— Оно так, — не стал спорить тот.

А герцогиня Мекленбургская в это время знакомилась со своими будущими придворными дамами. То есть с женами и дочерьми членов Боярской думы. Нет, у нее конечно же была подобающая ее высокому положению свита из шведских и мекленбургских дворянок, но теперь ей полагалось иметь еще и русских приближенных. Все-таки русской государыне обходиться одними немцами было не комильфо. Царицей она, правда, еще не была. По крайней мере формально. Для этого дочери шведского короля нужно было принять православие, а вот этого ей не очень-то и хотелось.

Стоящие рядом боярыни и со своими дочерьми во все глаза пялились на заморскую чуду-юду. Именно так они успели уже окрестить про себя свою новую повелительницу. Что же, Катарине Шведской было уже тридцать семь лет, и пора ее юности и свежести давно миновала. Но, как ни крути, она была королевской дочерью и сестрой!

¹ 8 ноября.

Дело было еще и в том, что по русским меркам одета была государыня совершенно неподобающе. Нет, ее тяжелое бархатное платье, обильно украшенное золотым шитьем, было более чем роскошно. Но вот беда, его корсаж плотно обтягивал фигуру, выгодно подчеркивая стройность стана герцогини, на фоне бесформенных летников, ферязей и душегрей толпящихся перед ней русских женщин. А прическа? Тщательно уложенные волосы были прикрыты лишь золотой сеткой и тончайшей кружевной вуалью, отчего всякий встречный-поперечный мог их видеть. Для замужней бабы, по мнению ее новых подданных, это было совершенно недопустимо!

Сами они были в платках, поверх которых надеты кики, надежно скрывающие волосы от нескромных взоров. Только у девиц выпущены наружу косы, толщина которых могла поразить человека, незнакомого с уловками некоторых представительниц прекрасного пола, заплетавших в это природное украшение конский волос.

Следовавшие за Катариной придворные были одеты в той же манере, что и их повелительница, хотя и скромнее, но то ведь немки! С них какой спрос? А тут царица, понимать надо!

— Регина Аделаида, — обратилась герцогиня к своей первой даме — баронессе фон Гершов, — вас не затруднит быть моей переводчицей? Нужно ведь как-то познакомиться с этими дамами.

Ответом ей было лишь неловкое, но от этого не менее красноречивое молчание. Дело в том, что жена царского приближенного, урожденная графиня фон Буксгевден, за несколько лет жизни в Москве так и не удосужилась выучить русский язык. Жена Кароля все время проводила в Кукуе, обитатели которого были сплошь иностранцами, а немногочисленные русские гости, как правило, знали немецкий или шведский. Тех же, кто не разумел ее речь, фрау фон Гершов не устаивала общением.

— Досадно, — поморщилась Катарина, отметив про себя, что ее первая дама вовсе не так умна, как ей казалось ранее. — Но как же нам разговаривать?

Недоуменные взгляды новых подданных красноречиво свидетельствовали, что никто из них немецкую речь не понимает. То же самое было со шведским и латынью. Государыня даже хотела сдатьсь и послать кого-нибудь за толмачами к

мужу, но тут ее внимательный взгляд упал на двух девушек, державшихся в сторонке от основной массы боярынь. Старшей из них не было на вид еще и двадцати, но она уже вступила в пору своего расцвета. Точеные черты лица, сияющие глаза, четко очерченные губы и природный румянец вместе создавали такую необъяснимую прелесть, что будущая царица не могла не почувствовать укол женской зависти.

Ее спутница была еще совсем девочкой, лет, наверное, не более тринадцати, однако и в этом весьма юном возрасте чрезвычайно милой. Чувствовалось, что через год или два, когда она станет входить в возраст, ее красота лишит покоя не одного благонаправленного юношу, но уже и сейчас ею хотелось любоваться.

В отличие от прочих женщин, явно злоупотреблявших косметикой, лица их были чисты, румянец естествен, а губы алые от природы. Наряды этих боярышень также отличались скромностью декора, хотя при внимательном взгляде было видно, что сшиты они очень искусно и из дорогой ткани.

Но самое главное, что привлекло внимание герцогини — насмешливая улыбка младшей девушки, которую та и не подумала скрывать. Похоже, она догадалась о причине заминки и откровенно забавлялась ею.

— Вы меня понимаете? — резко спросила Катарина.

— Да, ваше величество, — на хорошем немецком отвечала девочка, сделав при этом самый настоящий книксен.

— Почему же вы до сих пор молчали?

— Благовоспитанной девице в моем возрасте не следует отвечать взрослым, пока ее не спрашивают! — с самым серьезным видом отвечала та.

— Это похвально, — ничуть не смутилась шведская принцесса. — Как ваше имя, дитя мое?

— Мария Пушкарева, ваше величество!

— Мне знакома ваша фамилия. Вы дочь одного из бояр моего царственного супруга?

— Нет, государыня. Мой отец командует Стремянным полком.

— Ах да, Анисим Пушкарев. Я помню вашего родителя.

— Он будет счастлив узнать об этом! — еще раз сделала книксен девочка.

— А ведь вы тоже понимаете меня, не так ли? — повернулась герцогиня к ее спутнице.

— Да, ваше величество, — с достоинством отвечала она.

— Но ответить сразу вам тоже помешала благовоспитанность?

— Именно так. По нашим обычаям первенство принадлежит представителям самых знатных родов. Я же всего лишь...

— Дайте угадаю, — перебила ее Катарина, — вас зовут Алена и вы сестра окольного Вельяминова?

— Да, ваше величество!

Ответ девушки прозвучал хлестко, как выстрел. Но шведскую принцессу было нелегко смутить. Еще раз внимательно окинув взглядом ту, которую многие небезосновательно полагали любовницей ее мужа, она, как ни в чем не бывало, попросила соперницу:

— Вас не затруднит представить мне остальных дам?

— Отчего же. Для меня честь служить вам! — невозмутимо ответила Алена и, подойдя к будущей царице, начала называть стоящих перед ней боярынь, иногда добавляя краткую характеристику: — Княгиня Домника Мстиславская, урожденная Темкина-Ростовская. Третья супруга главы Семибоярщины князя Федора Ивановича — одного из знатнейших людей нашего царства.

Княгиня, довольно молодая еще женщина, низко поклонилась государыне, на что та ответила милостивым кивком.

— Рядом с ней, — продолжила Вельяминова, — княгиня Мария Воротынская — сестра Марии Шуйской — вдовы царя Василия. Ее муж — Иван Михайлович, был горячим противником поляков и лишь совсем недавно вернулся из плена.

— А где ее сестра?

— В монастыре, ваше величество. Далее, родная сестра митрополита Филарета — Анастасия Никитична, в замужестве княгиня Лыкова-Оболенская. Ее муж считается главой оппозиции и в последнее время важных постов не занимает.

— В Москве тоже есть оппозиция? — хмыкнула Катарина.

— Ишь, змеюка бесстыжая! — раздраженно прошипела боярыня вслед взявшейся толмачить Алене. — Мало того что к государю в постель влезла, так еще и царице подольстилась! И как тебя только земля носит...

Лицо Вельяминовой на мгновение окаменело, но она тут же справилась с волнением и ответила:

— Иногда встречается, ваше величество.

- Буду знать. А кто эти дамы?
- Это тоже родственницы Филарета. Ульяна Федоровна — супруга его брата Ивана Никитича.
- Канцлера?
- Да, его чин при дворе можно назвать и так. Рядом с ней жена Михаила Романова — Мария и Ефимия Михальская.
- Супруга царского телохранителя?
- Именно так.
- Герр Корнилий тоже родственник Романовым?
- Он — нет, а вот она — троюродная сестра матери Михаила, инокини Марфы.
- Она тоже здесь?
- Нет, что вы, она в Новодевичьем монастыре. Кстати, как и упомянутая мной вдова Василия Шуйского.
- Я слышала, что вдов часто насильно заставляют принять постриг?
- Скажем так, их мнения на этот счет никто не спрашивает.
- Ужасная практика!
- Таковы обычаи в нашей стране.
- Понимаю. Однако я не намерена мириться с подобным произволом. Впрочем, это дело будущего, а сейчас давайте продолжим.
- Как вам будет угодно.

Принц Карл Густав вышел на Красные сени, где его уже поджидал Петер. Формально этот мальчишка был слугой наследника, но на самом деле они были самыми близкими друзьями еще с тех времен, когда устраивали проказы в Шверине, где отец Петера служил конюхом.

— Ну что, осмотрелся? — весело спросил его принц. — Как тебе нравится здесь?

— Сказать по правде, ваше высочество, в Мекленбурге лучше. Тут даже псарни хорошей нет.

— Разве?

— Точно вам говорю, мой принц.

— Госка.

— И не говорите. Но у меня есть одна идея.

— Не знаю, — задумался Карл-Густав. — Отец велел мне идти к матери.

— Госпоже герцогине сейчас не до нас. Она знакомится с женами придворных. Вы бы видели, мой принц, на кого похожи эти клуши!

— Успею еще насмотреться.

— Так и я вам об этом. Давайте лучше как следует осмотрим эту крепость.

— Кремль.

— Что?

— По-русски эта крепость называется «кремль».

— Пусть будет, — пожал плечами Петер. — Ну так что?

— Пошли!

Мальчишки весело двинулись исполнять свое намерение, но вскоре попались на глаза охраняющим кремль стрельцам. Один из них — чернобородый мужик с большим блестящим топором в руках — преградил им дорогу и строго спросил:

— Куда путь держите?

Хотя принц и его спутник и не успели еще достаточно изучить русский язык, но догадаться о смысле вопроса было нетрудно. Поэтому Карл Густав попытался придать своему голосу как можно более достоинства и представился:

— Я принц Русский и Мекленбургский, а также герцог Вестгетландский!

— Чего? — недоуменно переспросил часовой, ни слова не понявший из этой тарабарщины, и обернулся к своему товарищу.

— Не видишь, царевич от мамок сбег, — снисходительно пояснил ему тот. — Сказывали наши, что страсть какой шкодный мальчишка, пошли ему Господь здоровья!

— Я-я, тсаревич! — поспешил подтвердить его слова Петер, услышавший одно из двух русских слов, которое он твердо запомнил. Второе звучало так же, как немецкое слово «кровь»¹.

— Что у вас тут приключилось, Семен? — спросил подошедший десятник.

— Да вот, немчура царевича проворонила, а мы нашли.

— А с ним кто?

— Небось слуга.

— Вот не было печали!

— Да ладно тебе. Это не наш грех, а воспитателей его. Отведем к государю, а он нас пожалует.

¹ Blut — кровь (нем.).

— Как же, — недоверчиво усмехнулся начальный человек. — Жалует царь, да не жалует псарь! Дядькой у него господин Фангрешев, а вы сами небось ведаете, что он с нашим полковым головой дружбу водит.

— Это верно, — помрачнел стрелец, — Пушкарев, если без него дело сделать, на каверзы не покусится. Как пить дать, сгноит в караулах.

— И что же делать? — растерянно спросил Семен.

— Что тут сделаешь, дуй к голове да обскажи все по порядку. Так, мол, и так, нашли царевича без присмотра.

— Ага, — угодливо кивнул чернобородый и с неожиданной прытью бросился выполнять распоряжение

— Но я наследник престола! — топнул ногой Карл Густав, понявший, что их не собираются пропускать.

— Пойдемте отсюда, ваше высочество, — потянул его за рукав Петер, почуявший, что дело может кончиться поркой. По крайней мере для него.

— Нет, — заупрямился принц. — Я требую уважения к себе!

— Не извольте гневаться, царевич, — встал на их пути десятник, загораживая отход. — Места у нас тут хоть и спокойные, а одним гулять не след. Мало ли что лихим людишкам в голову прийти может...

Договорить он не успел, поскольку Карл Густав с Петером, не сговариваясь, кинулись наутек и непременно скрылись бы, если бы на их пути не оказался фон Гершов в сопровождении свиты.

— Куда это вы так спешите, мой принц? — поинтересовался барон.

— Мы хотели осмотреть здешние места, — замялся наследник престола. — Но нам помешали...

— И правильно сделали. Это может быть опасным для таких маленьких мальчиков, как вы. Не говоря уж о том, что вас обоих ждут занятия. Кстати, кто был автором этой чудной идеи?

— Я, господин барон, — обреченно вздохнул Петер.

— И почему я не удивлен?

— Но, ваша милость...

— Я вам позже сообщу о вашей участи, молодой человек. А теперь оба живо на занятия, а то мне стыдно перед государем за скромность ваших успехов в изучении русского языка!

— Ой, а что это у нас тут приключилось? — раздался вкрадчивый голос Пушкарева.

Появившийся, как всегда, вовремя стрелецкий голова смотрел на померанца с нескрываемым ехидством.

— Смотри, Анисим Саввич, — торопливо принялся шептать из-за его спины Семен. — Царевич без пригляду остался, как есть заплутал, а далеко ли до беды?

— Все в порядке, господин стрелецкий голова, — бесстрастно отвечал фон Гершов. — Но я благодарен вашим людям за их помощь.

— Да не за что, — еще шире улыбнулся Пушкарев. — Служить его царскому величеству и государю-наследнику мы всегда рады!

Одним из новшеств, введенных сразу после приезда Катарины, стали наши совместные трапезы. Если прежде, находясь в Кремле, я, согласно обычаям, волей-неволей водил хлеб-соль со всей Боярской думой и члены этого почтенного органа рассаживались по старшинству, иной раз отчаянно между собой местничая, кравчий разливал по кубкам вино, стольники разносили блюда, после чего следовали обязательные здравицы и простое, в сущности, мероприятие превращалось в целый пир и могло длиться часами, то теперь же мы по крайней мере ужинали только вдвоем с минимальным количеством прислуги вокруг.

— Как прошел ваш день, сударыня? — поинтересовался я, засовывая салфетку за воротник.

— Чудесно, мой друг. Я познакомилась с женами и дочерьми ваших бояр.

— И что вы можете сказать о них?

— Я ожидала худшего. В Стокгольме мне говорили, будто московиты держат своих женщин взаперти и те не умеют и пары слов связать.

— Это недалеко от истины.

— Мне так не показалось. По крайней мере некоторые из этих дам были весьма красноречивы.

— Вот как?

Пока мы говорили, стольники уставили весь стол блюдами с разнообразными закусками, так что места на нем решительно не оставалось.

— Скажите, Иоганн, а что, русские всегда так плотно едят?

— Нет, что вы, дорогая моя. Просто сегодня нет никакого поста. Обычно все бывает намного скромнее. Кстати, это только первая подача. Так сказать, перекус перед основными кушаньями, которые подадут при перемене блюд.

— Невероятно! И часто ли бывают эти скоромные дни?

— На самом деле редко. Постных дней в Восточной церкви много. Правда, не все они одинаково строги. Кстати, разве Филарет не рассказывал вам об этом?

— Рассказывал. Однако я не придавала этим словам слишком уж большого значения. Ведь, насколько я помню, пока мы следовали в Москву, питание наше было хоть и однообразным, но обильным. Разве не так?

— Все так. Просто воюющим и путникам дозволяется скоромная пища и во время постов. Кстати, попробуйте вот эти пирожки. Очень вкусно, не правда ли?

— Как вам не стыдно, Иоганн, — возмутилась герцогиня, прожевав откушенный кусок. — Я теперь пропахну чесноком!

— Ну что вы, сударыня, это вовсе не чеснок. Это лесная черемша. Ее часто добавляют куда надо и куда не надо. А теперь обратите внимание на студень.

— Он тоже с этой вашей черемшой?

— Нет, моя госпожа. С хреном. Кстати, вы так и не рассказали о знакомстве с придворными дамами. Вы уже кого-нибудь выбрали для своей свиты?

— Пока я еще не определилась, но пара кандидатур у меня есть.

— Любопытно. И кто же эти счастливицы?

— Мария Пушкарева и Алена Вельяминова. Вы поперхнулись, мой друг? Это наверняка от обилия хрена, или как там вы назвали эту приправу!

— Возможно, — ответил я, прокашлявшись.

— Мне показалось, или вы не слишком довольны моим выбором?

— Нет, что вы. Правда, я немного удивлен, что они вообще присутствовали там.

— Разве Никита не один из ваших приближенных?

— Несомненно. Но вот Машки там точно не должно было быть.

— Отчего так?

— Анисим Пушкарев вовсе не знатен. Раньше он был простым стрельцом.

— Но я слышала, что вы оказываете его дочерям особое покровительство и даже дали старшей приданое.

— Верно.

— И чем же вызвана такая милость?

— Их отец оказал мне в свое время немало услуг и продолжает верно служить теперь. А почему вас это интересует?

— Просто так. Эта страна совершенно неизвестна мне, и я хотела бы узнать ее получше, чтобы не допускать ошибок.

— Весьма похвальное желание.

— Но некоторые вещи я, безусловно, хотела бы изменить немедленно.

— И какие же?

— Для начала я бы желала, чтобы для нас готовили мои повара. Русская пища, насколько я успела ее понять, слишком тяжела для желудка.

— Скажите еще, что вам хотелось бы жареной телятины!

— Почему нет? Это всяко лучше, чем запеченный поросенок, которого нам несут.

— Упаси вас бог высказать подобные кулинарные пристрастия в присутствии наших подданных!

— А в чем дело?

— Дмитрию Самозванцу такой изыск стоил трона и головы.

— В самом деле?

— Скажем так, это было последней каплей.

— Но, вероятно, он провинился не только в этом?

— Вы правы, он не спал после обеда, женился на католичке и вдобавок не слишком охотно посещал церковные службы.

— Уж не сравниваете ли вы меня с Мариной Мнишек? — в голосе шведской принцессы зазвучал металл.

— Что вы, моя госпожа, как можно! Вы в отличие от нее королевского рода, а потому можете позволить себе много больше, чем эта ушлая шляхтянка. Но нужно помнить, что помимо сторонников у нашей династии есть еще масса противников, которые с радостью раздуют любой промах.

— Я понимаю вас, ваше величество, — поджала губы Катарина и тут же поспешила перевести разговор на другую тему: — А какова судьба царицы Марины?

— Строго говоря, она не царица, поскольку ее не короновали.

— И все же?

— В одном монастыре. А почему вас это интересует?

— Мне очень не нравится, что вдов заставляют принимать постриг.

— Мне тоже. Однако пани Марина — совсем особый случай. У нее была возможность вернуться в Польшу, после гибели Самозванца, однако она не постеснялась признать в первом же попавшемся ей на глаза проходимце своего безвременно ушедшего супруга. Участвовала во множестве интриг и вдобавок ко всему не постеснялась родить от покойника сына.

— Как это печально...

— Вы правы, поэтому я предлагаю обсудить что-нибудь более веселое. Например, поведение нашего сына.

— Он опять что-нибудь натворил? — встревожилась герцогиня.

— Ну не то чтобы прямо «натворил»... Просто они с этим мальчиком, как его... в общем, они попытались сбежать от своих воспитателей и почти преуспели, но, по счастью, попались на глаза стрельцам, а те вызвали фон Гершова.

— Несносный мальчишка!

— Полно вам, сударыня. Не такая уж это и большая проказа.

— Я сейчас вовсе не о принце. Этот маленький негодяй Петер постоянно втрапливает нашего сына в какие-нибудь авантюры. Я уже не раз пожалела, что послушалась барона и разрешила взять его в услужение.

— Забавно.

— Не вижу ничего забавного!

— Ну хорошо-хорошо. Очень скоро у Карла Густава, то есть Дмитрия, появится настоящая свита из сверстников.

— Надеюсь, это будут представители достойных родов?

— О, можете на меня положиться в этом вопросе. Все они будут прямыми потомками Адама и Евы!

— Очень смешно!

— Не сердитесь.

— И не думала. Кстати, вы, кажется, сказали, что сейчас нет никакого поста?

— Именно так.

— Следовательно, я могу рассчитывать на ваш визит сегодня вечером? Вы опять подавились, государь?

— Гхм... Кажется, нет.

— Или у вас какие-нибудь срочные государственные дела?

Я пристально взглянул в глаза жены, и в памяти снова возникла та молодая женщина, на которой я женился восемь лет назад. Да, это был династический брак, особенно для меня. Да, покойный король Карл поспешил выдать перерзлую дочь за понравившегося ему принца-изгнанника, рассчитывая, что тот не будет играть никакой самостоятельной роли при его дворе. Да, она даже тогда была серьезно старше меня нынешнего... Сколько мы прожили вместе, пока уже новый король, теперь уже ее брат Густав Адольф отправил меня в очередной поход? Месяц, два... но видит бог, это было счастливое время!

— Сударыня, вам приходилось париться в русской бане?

— Что?! — смешалась Катарина. — Если вам угодно, я прикажу приготовить...

— Нет, мне угодно нечто совсем другое. Уверю вас, Като, вам тоже понравится!

Только что проснувшийся Карл Густав с недоумением поглядел на стоящую перед кроватью лавку. Его прежний костюм исчез, а вместо него была разложена совершенно другая одежда. Вместо камзола и шелковой рубашки с красивым отложным воротником из голландских кружев, бархатных кюлот и чулок теперь лежали: косоворотка, белый расшитый золотыми галунами зипун, такие же порты и затканый серебром кушак. На полу стояли сапожки из мягкой кожи с загнутыми вверх носами, сменившие башмаки с большими медными пряжками.

— Что это? — удивленно спросил мальчик.

— Наверное, это ваши новые вещи, мой принц, — ответил спавший рядом Петер, продирая глаза. — Вы теперь русский царевич и должны выглядеть подобающе.

— А вот твою одежду не сменили, — отметил наследник престола, покосившись на соседнюю лавку.

— А мою-то зачем? — зевнул тот. — Я же не царевич. Вам помочь одеться?

— Наверное, — нерешительно отозвался Карл Густав. — Я не очень понимаю, что со всем этим делать.

Что ему придется сменить немецкий наряд на русский, отец заявил еще в Новгороде. Но тогда они торопились, времени ждать пошива не было, подходящих тканей тоже, а матушка вообще восприняла эту идею без энтузиазма, и как-то так случилось, что весь путь до столицы он проделал одетым и обутом в свои прежние вещи, благо гардероб, прихваченный из Мекленбурга, был более чем достаточен.

Так что на всех торжественных встречах в больших и малых городах по пути, молебнах и тому подобных мероприятиях, принц был в немецкой одежде. Подданные, впрочем, восприняли подобный наряд с пониманием. Все-таки царевич пришел из неметчины, и в чем же еще ему там было ходить?

Государь, правда, хмурился, но виду не подавал, а когда пришло время для торжественного въезда в Москву, усадил Карла Густава в седло впереди себя и так, вместе с ним, въехал в свою столицу. Ночами уже подмораживало, да и днем было не особо тепло, так что царь накрыл своего наследника своим же плащом, скрыв таким образом от любопытных взглядов. Так они и проделали этот путь до Кремля. И вот не прошло и двух дней, а перед ним лежала его новая одежда. Непонятно было только, где и как с него успели снять мерку, а также как это все надевать. Хотя с рубахой и портами они разобрались быстро, но вот сапоги...

— Где же чулки? — озабоченно спросил принц. — Не надевать же их на босу ногу?

— Похоже, вам надо наvertеть на ноги эти штуки, — пожал плечами Петер, показывая на два куска плотной, но мягкой ткани. — Я видел, как русские так делали.

— Ты думаешь?..

Тут дверь осторожно отворилась, и в горницу робко заглянул вихрастый парень. Увидев, что его подопечный уже не спит, спальник¹, а этот молодой человек был именно им, с достоинством поклонился, и что-то быстро зататорил.

— Ты что-нибудь понимаешь?.. — шепнул Петеру Карл Густав.

— Нет, мой принц, но, похоже, он может нам помочь.

— Доброго вам утречка, государь-царевич, — тарыхтел тем временем молодой придворный. — А меня Тишкой кличут. Я к

¹ Спальник — придворный чин.

вашей милости приставлен для услужения, значит. Не угодно ли вашей милости сказать, с чем помочь?

— Вот, — жестом показал на свои затруднения мальчик.

— Чего? — переспросил сперва парень, но тут же сообразил. — Портянки намотать не получилось? Эх и темные же вы там, в неметчине! Нуда ничего, это горе поправимое. Смотрите.

С этими словами он споро стащил с себя один сапог, размотал портянку и тут же показал, как надо обуваться, и даже приотпнул ногой, мол, видите, как удобно! Затем разложил один из кусков ткани на полу, не забыв похвалить его:

— Гляньте, какая красота, ну чистый аксамит¹! Царевич, ты ножку-то ставь... не, не так, вот как надобно.

В общем, через минуту Карл Густав был обут, одет, замотан кушаком, и только голова оставалась непокрытой.

— Ваше высочество теперь настоящий русский, — хмыкнул Петер, ревниво косясь на спальника.

— Пожалуйте за мной, — поклонился тот царевичу, и мальчики двинулись следом.

Спальник привел их в большую горницу, или малый зал, где за накрытым столом сидели несколько человек, в одном из которых принц тут же узнал отца. Рядом с ним сидели: его воспитатель барон фон Гершов, царский телохранитель Корнилий Михальский и еще какой-то священник с совершенно седой бородой и изможденным лицом.

— Выспался? — улыбнулся я сыну.

— Да, отец.

— Ты голоден?

— Нет пока.

— А ты? — обернулся я к его приятелю.

— Я бы съел чего-нибудь, мой кайзер, — бойко отвечал тот, — но только чтобы не обидеть отказом ваше величество.

— Наш человек! — засмеялся я и велел Тихону: — Ну-ка принеси нам поесть, а то с утра маковой росинки во рту не было!

Парень тут же сорвался с места, только пятки засверкали, точнее, каблуки, а я продолжил, показывая на священника:

— Это отец Мелентий, мой духовник. Он будет наставлять тебя в истинной вере.

¹ А к с а м и т — сорт шелка. В широком смысле — любая дорогая ткань.

— Хорошо, отец.

— Эх, не по моим плечам ношу взваливаешь на меня, православный царь, — глухо отозвался иеромонах. — К тому же я слышал, его наставником в дороге был митрополит Филарет. Где мне с тем тягаться? Отпустил бы ты меня на покой, а...

— В дороге кто только его наставником не был, а парень до сих пор ни бельмеса не знает. Ни языка, ни молитв. Да и не слышал я, чтобы Федор Никитич в прежние времена изрядным богословом был. Вот Мишу его хоть сейчас диаконом поставить можно...

— Не богохульствуй!

— И в мыслях не было. Только, я чаю, у митрополита сейчас и иных забот немало, где уж ему все поспеть. А ты муж ученый, латынь и немецкий ведаешь. Кого же, как не тебя? Нет, я, конечно, могу Игнатия из академии позвать...

— Как повелишь, государь, — тут же пошел на попятный Мелентий, давно смотревший косо в сторону бывшего иезуита.

— Вот и славно...

— А уж коли ты мне доверил сына своего к свету православия привести, ответствуй: отчего он сегодня на заутрене не был? Ты, к слову, тоже!

— Так это, батюшка... он же еще не нашей веры...

— И с таким родителем не скоро к ней придет! — едко усмехнулся иеромонах.

Тут, на наше счастье, появились слуги с подносами и стали уставлять стол для завтрака.

— Благослови нашу трапезу, отче! — попросил я.

— Отче наш, иже еси на небеси... — начал священник звучным, хорошо поставленным голосом.

После нее последовала «Слава и ныне», а только потом собственно молитва перед пищей «Христе Боже, благослови ястие и питие рабом Твоим». Мой духовник, как всегда, действовал строго по канону, ни на йоту не отступая от него. Если бы дело происходило после вечерни, то началось бы все с «Очи всех на Тя, Господи, уповают». Сам не пойму, когда я успел все это выучить и запомнить... ведь из походов вроде бы не вылезая?

— Мне кажется, отец Мелентий — очень строгий наставник? — с тревогой спросил меня Карл Густав, когда мы вышли.

— У него была непростая жизнь и очень долгий путь к Богу, — согласился я. — Но он человек надежный и верный. Ему можно доверять. Ты понимаешь меня?

— Да, а чем мы сейчас займемся?

— Как я и обещал, поедем в Оружейную палату и в другие места. Ты не против?

— Нет. Только я хотел бы показать матушке и сестре свой новый костюм.

— Еще успеешь, а сейчас пора ехать. Кстати, где твоя шапка?

— Не знаю. Я нашел только это.

— Не изволь гневаться, царь-батюшка, — как черт из табакерки выскочил Тишка. — Вот, пожалуйста, все готово.

В руках у спальника были подбитый собольим мехом зимний кафтанчик и шапка, отороченная горностаем.

— Ну-ну, — хмыкнул я и, как только облачение закончилось, велел выходить.

— Это что, снег? — взвизгнул мальчишка, увидев, что за ночь земля покрылась белым покрывалом. — Петер, смотри — снег!

— И впрямь, — изумился тот и, не удержавшись, тут же слепил снежок.

Потом, видимо, сообразив, что при царе играть в снежки неприлично, спрятал его за спиной. Тем временем нам подали сани, запряженные тройкой. Мы с сыном и его приятелем сели в них, Михальский с фон Гершовым вскочили в седла, и кавалькада тронулась. Впереди и сзади нас скакал эскорт из людей Корнилия и Лелика.

— Руку еще не отморозил? — с усмешкой спросил я Петера, глядя, как он попеременно перекладывает ледяной комок из одной руки в другую и дышит на озябшую.

— Ой, — смутился тот.

— Сможешь попасть в того всадника? — показал я ему на одного из наших охранников — улыбчивого татарина Ахмета, гарцующего на некрупной, но ладной ногайской лошадке.

— Запросто! — осклабился мальчишка и ловко швырнул свой снаряд.

Однако в хоругови Михальского лопухов не держали, и Ахмет, как ни в чем не бывало махнув камчой, на лету сбил снаряд, потом что-то крикнул по-татарски, соорив при этом зверскую рожу.

— Все, парень, ты пропал! — посулил я Петеру.

— Ничего подобного, — отмахнулся тот. — Я выполнял приказ нашего доброго кайзера, а стало быть, кто меня тронет — будет иметь дело с ним.

— Да ты, я гляжу, парень не промах!

— А разве кого попало взяли бы на службу к вашему благородному сыну?

— Это точно, — засмеялся я и потрепал пройдоху за уши.

«Дилинь-дилинь-дилинь!» — зазвенел большим бронзовым колокольчиком слуга, но наученные горьким опытом школяры и не подумали отрываться от занятий и продолжили тщательно выводить буквицы. Писать чернилами на бумаге — это совсем не то же самое, что водить стилусом по вошеной дощечке. Тут если ошибешься, не замажешь плоским концом ее мягкую поверхность, ибо сказано: что написано пером — не вырубишь топором!

— Все ли окончили? — поинтересовался учитель. — Тогда сдавайте листы.

Услышав приказ, одни школяры, наскоро присыпав свои работы песком, двинулись сдавать их наставнику. Другие же, менее искусные, попытались наскоро закончить, но от торопливости часто ставили кляксы или ошибались. Среди последних был и Никишка Анненков — девятилетний отрок из орловских боярских детей, совсем недавно поступивший в царскую школу. С огорчением взглянув на испорченный лист, мальчишка вздохнул. Однако же делать было нечего, и он обреченно направился к учителю.

— Быстрее, отроки, — поторопил отставших дьяк Анциферов, бегло просматривая уже сданные работы.

Глядя на одни, он удовлетворенно кивал, другие заставляли его морщиться, от третьих он просто качал головой. Учителем он стал совсем недавно по указу самого царя Ивана Федоровича. Для обучения наследника царевича Дмитрия Ивановича была организована царская школа. Большинство ее учеников стали отпрыски самых знатных семейств Русского царства, но были также и сироты, собранные со всей Руси. Вообще-то для бывшего секретаря государя это было немалое понижение, но Первак — так его звали — и сам понимал, что со службой не справляется. Тут ведь и латынь надо знать, и немецкий, да

мало знать — писать еще надобно. Причем грамотно, а где же сироте было этой премудрости научиться?

Хотя тут сам виноват. Надо было, как и собирался, в ноги упасть к Ивану Федоровичу, дескать, отпусти на учение в город Росток, с остальными студиями — глядишь, вернулся бы лет через пять—семь совсем другим человеком, но... свято место ведь пусто не бывает, нашлось бы кому близ царя его заменить! Да и Анисим Саввич, дай ему бог здоровья, ждать бы не стал. Как пить дать, выдал бы Глашу замуж, а без нее Первушке и жизнь не мила.

Вот теперь и учит царевича со товарищи русской грамоте, а также искусству писания вязью и уставом¹.

Вообще-то выбранный недавно патриархом всея Руси Филарет поначалу настаивал, чтобы учителями в новой школе были исключительно ученые монахи, но неожиданно получил жесткий отказ. Сказывали даже, что они с государем крупно повздорили, однако так это или нет, никто доподлинно не знал.

Хотя это как сказать. Анциферов, положим, знал. Ибо именно он писал под диктовку грамоту, в которой Иван Федорович не без ехидства спрашивал: есть ли среди этих самых ученых монахов хоть один русский, а не выходец с Фанара²?

Греков за их двуличие и корыстолюбие новый глава Русской церкви и сам недолюбливал, а потому хоть не сразу, но согласился. Так что учителями в царской школе стали в большинстве своем люди светские, более того, многие из них были иностранцами, благо среди приехавших вместе с царицей на Русь людей ученых хватало. Арифметику и цифирь преподавал швед Якобсон. Семь свободных искусств — немцы Мюллер и Гроссе. Впрочем, до их науки школяров требовалось выучить еще латыни, которую, кроме царевича, мало кто знал. Да что там про древние языки говорить, родную-то грамоту не все разумели! Вот тогда-то царь и предложил Первушке стать учителем. Ну как тут откажешься?

— Эко, брат, ты напачкал... — покачал он головой, глядя на работу, сданную Анненковым.

Тот, насупившись, молчал, видимо, прикидывая, сильно ли его высекут за нерадение. К слову, кадка с рассолом, из кото-

¹ Вязь и устав — виды древнерусского рукописного шрифта. При письме вязью буквы связываются друг с другом, соединяясь в непрерывный орнамент. Устав — письмо четкими угловатыми буквами без наклона.

² Фанар — район в Стамбуле, резиденция Константинопольского патриарха.

рой торчали розги, стояла у всех на виду в сенях, красноречиво намекая, что может случиться с теми, кто не будет проявлять должного усердия в учении. Наказывать, правда, пока еще никого не наказывали, хотя поводов было предостаточно. Видать, наставники ждали, когда винностей накопится столько, чтобы снять три шкуры разом.

— Ступай, — с легкой усмешкой велел Анциферов отроку, после чего собрал работы своих учеников вместе и вышел из класса.

Решив, что на этот раз все обошлось, Никишка резво кинулся на улицу, но едва не налетел на одного из соучеников — Григория Куракина.

— Разуй глаза, выползень орловский! — возмутился княжич.

— Я ненароком... — попытался извиниться мальчик, но юный Гедиминович, что называется, закусил удила.

— По сторонам смотри, холопые отродье!

— Ты, князь, говори, да не заговаривайся! — вспыхнул отрок. — Анненковы николи в холопах не ходили...

— Доселе не ходили, так еще походите. Вам по вашему худородству такое и не зазорно!

Неизвестно, чем бы кончилось дело, поскольку спустить такое оскорбление было никак нельзя, а Гришка был старше и на голову выше Никишки, но тут раздался еще один звонок, и школяры стали возвращаться в класс.

— Ничто, после договорим, — посулил недругу Куракин и поспешил вернуться за парту.

— Чего от тебя Гришка хотел? — тихонько спросил сидевший рядом с Анненковым Ванька Пожарский.

— Кто его знает, чего он прицепился... — буркнул школяр.

— Он завсегда так, — посочувствовал ему младший сын прославленного воеводы, — особенно с худородными. Он ко мне тоже цеплялся, пока по фациему не получил.

— Куда?

— По роже, — охотно пояснил Ванька. — Фацием¹ — это рожа по-латыни!

— Ишь ты, — подивился Никишка. — А ты и латынь ведаешь?

— Худо, — помрачнел мальчишка. — Из нас всех ее только царевич Дмитрий хорошо знает, даром что по-нашему толком не разумеет.

¹ Фацеиeм — лицо (лат.).

— А как же вы с ним разговариваете?
— По-разному. По первости все больше знаками или по-ляшски.

— А кто это всегда рядом с царевичем за партой сидит?

— В немецком платье?

— Ага.

— Это Петька! Он по-нашему вообще ни в зуб ногой, только ругаться горазд, будто всю жизнь пирогами в Замоскворечье торговал.

— А из каких он?

— Да кто его знает! Сказывали, будто он из холопов тамошних государя нашего.

— Из холопов? Не может быть!

— Я и сам сомневаюсь, — пожал плечами Пожарский. — Уж больно ведет себя смело, да и дерется отчаянно. И в проказах первый, а до сих пор не сечен.

— А часто секут-то?

— А вот сейчас и узнаете! — строго воскликнул неслышно подошедший к ним отец Зосима и, схватив вопящих от боли и испуга мальчишек за уши, потащил их в угол. — Стойте здесь, раз за партами Слова Божьего не разумеете!

— Кажется, наш новичок попался... — тихонько шепнул принцу Петер. — И фюрст¹ Пожарский тоже.

— Помолчи, если не хочешь стать следующим... — одними губами отвечал тот ему.

— Да уж, это не епископ Глюк. В него чернильницей не запустишь.

— Если скажет что-нибудь дерзкое про моего отца — еще как запущу!

Приятель в ответ на это заявление только ухмыльнулся, поскольку давно понял, что среди русских священников встречаются люди разного сорта, но вот откровенных самоубийц точно нет.

Сегодня первый наш с Катаринной совместный прием иностранных послов. Несмотря на еще не решенные разногласия, надо продемонстрировать всем, что внутри царской семьи все в порядке. Всем — это прежде всего своим боярам, среди которых тихо тлеет недовольство. Несмотря на все старания и боль-

¹ Fürst — князь (нем.).

шой опыт в такого рода делах, моя супружница ухитрилась-таки отдавить мозоли нескольким влиятельным особам. Прежде всего тем, что не пожелала резко изменить свои привычки.

Иными словами, Катарина Карловна вместе со своими приближенными продолжает носить европейские платья, вызывая тем самым нездоровое брожение в обществе. И если пожилые боярыни упорно продолжают держаться старины, то у более молодых особ прекрасного пола постепенно складывается на этот счет другое мнение. Как-то сразу немодно стало наносить на лицо толстый слой румян и белил, чернить зубы и делать тому подобный «макияж». Летники и сарафаны стали более приталенными, а вместо сапожек ножки девушек все чаще украшают башмачки с пряжками.

Но самое «страшное» случилось, когда мы с Катариной Карловной показали народу во время парадного выезда. По зимнему времени она покрыла голову меховым капюшоном, под которым была довольно изящная шапочка из красного бархата, с небольшими полями, богато украшенная золотым шитьем. Я по своей мужской простоте не обратил на эту деталь никакого внимания, но вот среди женского населения столицы она произвела настоящий фурор, и теперь все желают носить такую же кичу, как у царицы. Мужья и отцы прекрасных дам в панике, мастера шляпных дел завалены заказами, а у ревнителей старины лишний повод излить желчь.

Правда, на сей раз она одета более подобающе. Наглухо закрытое нижнее темно-бордовое платье без какого-либо декольте и открытых рук. Поверх него — чуть более светлое распашное со шнуровкой. И то и другое украшено по минимуму, в том смысле, что золотое шитье не везде, где только можно, а лишь местами, на корсаже и рукавах. Слава богу, в Швеции нет обычая носить огромные гофрированные блины воротников, как при австрийском и испанском дворах, потому плечи Катаринины прикрыты тончайшим голландским кружевом. Волосы ее на сей раз под тонкой кисеей, а на голове герцогская корона.

Мое величество выглядит традиционно, то есть в длинном русском кафтане и шапке. Они, конечно, тоже украшены золотом и камнями, но до настоящего парадного платна¹, в котором даже я, несмотря на привычку к доспехам, передви-

¹ П л а т н о — расшитое золотом парадное платье русских царей.

гаюсь с трудом, им далеко. Его я в последний раз надевал на торжественном молебне, посвященном победе над войском королевича Владислава, и с той поры оно вместе с шапкой Мономаха не покидало сокровищницы.

Посол, которого мы с Катариной осчастливили аудиенцией, — турецкий. В смысле османский. Ибо Турция сейчас называется Османской империей или Блистательной Портой. Пока что это одно из мощнейших государств, раскинувшееся на трех сторонах света и обладающее просто огромной армией и флотом. И то и другое, правда, несколько устарели, да и некогда самая передовая держава находится в затяжном кризисе, но все еще представляет собой смертельную опасность.

Собственно османские земли отделены от России другими государствами, так что даже формально соседями мы не являемся, и поводов для вражды у нас нет. Кроме одного. Крымское ханство. Это вассальное от турецкого султана разбойничье государство представляет собой одну сплошную головную боль. Подвластные хану татары, черкесы и ногаи постоянно устраивают набеги на южные рубежи Руси и Речи Посполитой. На последнюю чаще, поскольку та богаче и многочисленнее, но и нами, многогрешными, также не брезгают.

Пресечь это безобразие нет никакой возможности. Во-первых, добраться до ханства не так просто. Разделяющее нас огромное и засушливое Дикое поле очень неудобно для наступления регулярной армией. Там практически нет воды, фуража, продовольствия, а если все это везти с собой, то обоз растянется от Курска до самого Перекопа. Во-вторых, война с Крымом — это война с Османской империей, а этого нам уж совсем не надо. Хотя в этом случае дальность расстояний и трудности логистики будут уже нашим преимуществом. Времена, когда крымские татары угрожали Москве, давно миновали. В последний раз они это пытались сделать еще при Иване Грозном, и кончилось все их грандиозным разгромом при Молодях. С тех пор случаются только мелкие набеги, которые нам приходится терпеть. Пока.

Посол османского султана, как это ни странно, вовсе не турок и даже не мусульманин. Зовут его Томас, или на русский лад Фома, Кантакузен. Он грек, точнее фанариот, то есть житель Фанара. Судя по донесениям людей, побывавших в Стамбуле лет сто назад, самые богатые греческие торговцы стали

претендовать на принадлежность к громким фамилиям древней Византии. Одни назвались Комнинскими, другие Палеологами, а дед Фомы — Михаил, имевший прозвище Шайтан-оглу¹, стал Кантакузеном. Трудно сказать, являлся ли он потомком базилиевсов, но совершенно точно известно о его баснословном богатстве. Видимо, за это его и казнили при султанине Мехмеде Третьем. Его сына Андроника тоже казнили, правда, позже, а вот внук преуспел на османской службе и теперь часто выполняет различные дипломатические поручения своего повелителя.

Прием прошел на высшем уровне, то есть мы с Катариной сидели, изображая из себя статуи, пока мои дядки представляли мне посла, зачитывали грамоту, показывали дары юного султанина Османа. Надо сказать, что повелитель правоверных не поспешил. Посол привез целый сундук с различными украшениями для меня и супруги, драгоценное оружие и доспехи и многое другое. Особенно мне понравился шлем с золоченой арабской надписью по кругу. На Руси такие называют иерихонками, а в Европе — восточными бургиньотами.

— Что значит эта надпись? — вполголоса спросила Катарины, заметив мой интерес.

Я в ответ только пожал плечами и собрался переадресовать вопрос Кантакузени, но посол меня опередил:

— Обрадуи правоверных обещанием помощи Аллаха и скорой победы, — перевел грек на немецкий, лъстиво улыбаясь.

— Это из Корана? — проявила осведомленность царица.

— Да, моя госпожа.

— Я смотрю, ты понимаешь нашу речь?

— Не слишком хорошо, но понимаю.

— Прекрасно. Передайте нашу благодарность его султаниному величеству за столь щедрые дары. Мы довольны ими.

— И Кесем-султан не забудь поблагодарить, — криво усмехнувшись, добавил я по-русски.

Услышав меня, Фома приложил руку к сердцу и принялся отвешивать самые почтительные поклоны, какие только смог изобразить.

— Что ты сказал послу? — спросила Катарины, когда мы остались одни.

— Попросил поблагодарить мачеху султанина.

¹ Сын черта (*тур.*).

— Мачеху?

— Да. Его мать умерла, когда Осман был еще младенцем, и его воспитала мачеха. Наверное, поэтому он еще не казнил своих братьев, как этого требуют их обычаи.

— Какой ужас. А что нам вообще известно о тамошних делах? Признаюсь, в Северной Европе о турках вообще мало что знают.

— Мы, в общем, тоже. В прошлом году я посылал посольство в Константинополь, да как на грех, пока они добирались, сначала умер Ахмед Первый, затем через три месяца свергли безумного Мустафу. Визири менялись как перчатки, янычары постоянно бунтовали. В общем, мои посланцы вернулись ни с чем, растратив все, что взяли с собой. Слава богу, хоть живые.

— И много растратили?

— Одной пушнины на двадцать тысяч талеров.

— Однако!

— Что поделаешь, Восток! Тому дай, этого умасти, того одари.

— Странно, что этот грек ни слова не сказал о цели посольства.

— Так это же только первый прием. О делах на нем говорить не принято. А что касается цели, то с этим как раз все просто. В прошлом году поляки разгромили трансильванского князя Габора Бетлена, а он вассал султана. Будет война, и османы ищут союзников.

— И что ты намерен делать?

— Ничего. Пусть воюют. Поляки нам враги, но и турки не друзья, так что чем больше они будут убивать друг друга, тем лучше. К тому же на соединение с султанской армией уйдут крымчаки. Хоть и ненадолго, но на наших рубежах будет спокойнее.

— Я уж испугалась, что ты опять отправишься в очередной поход!

— Не сейчас.

— Послушай, мне показалось или твои бояре действительно смотрели на меня осуждающе?

— Есть немного. На официальных приемах не принято общаться с иноземными посланниками напрямую. Только через дьяков и толмачей. Так что когда вы заговорили, да еще и на

чужом для них языке, это показалось им почти святотатством. Ничего, привыкнут.

— А ты так никогда не делал?

— Я — другое дело. В моем исполнении они уже всякого на-смотрелись, а ты все же королевская дочка.

— О, кажется, я не оправдала их ожиданий? — улыбнулась Катарина.

— Всем не угодишь. Меня другое интересует: отчего на приеме не было Филарета? Я у дьяков спрашивал, а они плетут какую-то околесицу. То ли занемог, то ли еще что...

— Я знаю, — помрачнела супруга. — В свой последний визит он говорил, что мне с детьми нужно как можно скорее принимать православие. А когда я напомнила, что прежде он не был столь непреклонен, явно разозлился.

— Силу почуял, — хмыкнул я. — Ничего, я с ним еще потолкую. Но вообще-то он прав. Нужно что-то решать, и быстро.

— Я думала, мы договорились. Карл Густав, раз уж это необходимо, станет православным, а мы с принцессой Евгенией сохраним лютеранство.

— Это твое окончательное решение?

— Да. Мне нужно побеспокоиться о судьбе нашей дочери. Она принцесса, и я совершенно не желаю, чтобы она сидела взаперти в тереме, оплакивая свою судьбу! Сегодня Филарет настаивает на смене веры, завтра он заявит, что царевне не следует учиться танцам, послезавтра вообще потребует, чтобы ее держали взаперти, как русских боярышень, и выдали замуж только за православного. А где мы возьмем ей православного принца?!

— Ну хорошо, уредила. Кстати, я знаю, что делать. Тебе нужно устроить праздник.

— Бал?

— Боюсь, бал пока рановато. Пока давай ограничимся приемом. Я приглашу бояр, а ты — их жен и дочерей. Развлечений сейчас не так много, так что им понравится.

— Прекрасная идея! Но как это поможет нам в деле с митрополитом?

— Доверься мне. Только у меня будет одна просьба.

— Какая?

— Когда в следующий раз у тебя случится что-либо неприятное с представителем церкви, или боярином, или еще кем-то, ты немедленно оповестишь об этом меня!

— Хорошо. Но я не думала...

— Като! Просто сделай, как я говорю.

— Как прикажете, ваше величество, — кивнула в ответ царица и отправилась к себе.

Поздно вечером, когда большинство думцев уже разъехались по своим теремам и усадьбам, вокруг меня собрался ближний круг. Для нас это давно стало своеобразной традицией. Многие догадываются про его существование, и любой боярин или дьяк, не задумываясь, заложит душу нечистому, чтобы оказаться среди избранных, но попасть сюда непросто. Большинство ближников начинали со мной, еще когда я был простым беглым принцем, служившим шведскому королю. Единственное исключение — боярин Иван Никитич Романов. Когда-то он был сторонником младшего брата моей жены королевича Карла Филиппа и после его смерти достался мне по наследству. Представитель старой московской аристократии, он мало с кем из них дружит, включая родного брата Федора, в смысле, Филарета. Если я упаду — его сожрут, и он это понимает как никто другой. И что еще немаловажно, он без возражений принял нашу манеру общения на равных. Хотя видно, что иной раз ему это дается нелегко.

— Все ли ладно в столице? — спрашиваю я у Романова, который помимо всего прочего руководит еще и Земским приказом. Причем именно руководит, а не служит судьей, как большинство его коллег.

— Покуда все спокойно, — осторожно отвечает боярин. — Правда...

— Что «правда»?

— Кое-где волнуется народишко. Не нравится людям, что государыня веру православную принимать не хочет...

— Просто волнуются или ропшут?

— И такое есть, — не стал скрывать Романов.

— Иметь, и на съезжую! — хмурится Вельяминов. — Другие, я чаю, поостерегутся.

— Эко у тебя все просто, — хмыкает в ответ Иван Никитич. — На дыбу человека подвесить — дело нехитрое. Только

надо, чтобы от этого толк был. А ежели без толку всех подряд хватать, то только злобиться начнут. Так и до бунта недалеко.

Из уст главы Земского приказа, каждый день присутствующего по долгу службы на допросах с пристрастием, подобное мягкосердечие кажется невероятным. На самом деле Романов может, не моргнув глазом, отправить любого в застенки и там познакомить с богатейшим арсеналом заплочных дел мастеров. Но еще он прекрасно понимает, как опасно перегибать палку.

— Этого следовало ожидать, — прерываю я неначавшийся спор. — Крестим Дмитрия — страсти поутихнут.

— Если патриарх не подгадит, — ухмыляется в бороду Пушкарев.

— Ты о чем?

— В таком деле, как народишко волновать, разве без него обойдется? — вопросом на вопрос отвечает стрелецкий голова.

— Пусть попробует, — мрачнеет Романов.

— Ты лучше, Анисим Саввич, скажи, что в стрелецких слободах думают?

— По-всякому, государь. Тех, кто с тобой под Кальмаром бились да острожек у Чертопольских ворот от поляков обороняли, пустыми посулами с пути истинного не собьешь. Хотя, конечно, лучше было бы, коли Катарина Карловна веру нашу приняла.

— Сколько их осталось... — грустно качаю головой.

— Это верно, зато, почитай, все они теперь начальные люди. И всем известно, что они выбились оттого, что тебе верно служили. А потому, что бы ни случилось, стрельцы за тебя будут!

— Опять же, случись бунт или еще какая напасть, их же лавки да мастерские первыми и разграбят, — веско добавляет Романов.

— И это верно, — не отпирается Пушкарев, у которого несколько лавок по всей Москве и не только в ней.

— А ты что скажешь, Корнилий? — оборачиваюсь я к своему телохранителю.

Михальский, как обычно, держится в сторонке с безучастным видом, однако безразличие это напускное. Он все и всегда видит, знает и всегда оказывается в самой гуще событий.

— Я уверен, что патриарх что-то замышляет, но пока не могу сказать, что именно, — отвечает литвин.

— Почему так думаешь?

— За последнюю неделю он встречался со всеми сколько-нибудь знатными людьми в Москве. К кому-то ездил, но большинство сами навестили его подворье. По городу постоянно снуют его посыльные.

— Я понял. Продолжай в том же духе. Если случится что-то важное, дай мне знать.

— Об этом, ваше величество, могли бы мне не напоминать, — скупно улыбается телохранитель.

— А может, оно и к лучшему? — неожиданно спрашивает Вельяминов.

— Ты про что?

— Да как сказать, — задумывается окольный. — Помнишь, когда в прошлый раз бунтовали, так всех воров разом и похватали! Телятевского, чтоб ему ни дна ни покрышки, сколь годов искали без толку? А тут сам объявился...

Едва договорив, Никита спохватывается, что в тот раз, помимо прочих, погибли мой воспитатель и Лизхен, и сконфуженно замолкает. Но слово не воробей и уже вылетело, так что все ждут моей реакции на его слова.

— Может, и так, — делаю я непроницаемое лицо.

Мне и на самом деле не слишком приятны эти воспоминания. Особенно гибель старого Фрица. Это была настоящая потеря. Да и Лизку тоже жаль, хотя она и сама виновата. Кой черт дернул ее покинуть хорошо охраняемый Кукуй и мотаться в карете по Москве? Но то, что сказал Вельяминов, тоже имеет смысл. Дать врагам проявить себя, а затем растоптать без всякой жалости... хотя нет, лучше до такого не доводить. Пока я размышляю над всем этим, окольный несколько раз то бледнеет, то краснеет, но как загладить неловкость, не знает, и Пушкарев приходит старому приятелю на помощь.

— Государь, что с турецким послом удумал? — как бы невзначай спрашивает он.

— А сам как считаешь?

— Да как тебе сказать, надежда... Агаряне хоть и враги христианскому миру, однако для нас и ляхи ничуть не милее черта! Надо бы помочь султану. В том смысле, пока он и хан крымский будут с поляками ратиться, можно будет Литву пощипать.

— А «Вечный мир» как же?

— Не он первый, не он последний. К тому же они не раз уже потревожили наши границы нападениями своими. Так что поводов для драки у нас как скоморохов на ярмарке.

— Так это же казаки нападали?

— А нам-то что с того? Польского круля подданные, вот пусть и отвечает! И вообще, ты когда Саарему на шпагу брал, тебя не больно-то заботило, что Кристиан Датский о делах Юленшерны ни сном ни духом...

— погоди, Анисим, — возразил стрелецкому голове Рюмин, — Дания от нас за морем, и королю ихнему до Руси не дотянуться. А по Мекленбургу ударить ему соседи не дадут. Ляхи же народ пакостный и не в пример ближе. А что черкасы¹ озоруют, так а воеводы наши на что? Слышно же, что не раз сии вору биты были за свои разбои.

— погодите-ка, господа хорошие, — прерываю я их спор, — скажите лучше, как думаете: если султан пойдет с ляхами воевать, крымского хана с собой возьмет?

— Известное дело, — изумился дьяк. — Конечно, возьмет, как не взять!

— Стало быть, у нас на рубежах поспокойнее станет?

— Ненадолго, но станет.

Пока собравшиеся с удивлением ждут от меня продолжения, я расстилаю на столе карту и внимательно рассматриваю так называемое Дикое поле — никем не занятое пространство между Россией и владениями крымцев.

— Али удумал что, государь? — первым не выдерживает Пушкарев.

— Пока они там бодаться будут друг с другом, надо оборонительную черту передвинуть.

— Ишь ты, — озадаченно хмыкает Романов. — Дело это, конечно, богоугодное, да только уж больно дорогое!

— Зато смотри, сколько земли прирежем, и какой земли, не то что московские суглинки!

— Это да, — мечтательно замирает боярин. — Где людей только брать на эдакое дело?

— Ну, мало ли, — пожимаю я плечами. — Ты мне расскажешь, кому из дворян в одном месте из-за веры моей жены свербит. Анисим то же самое — про стрельцов. Так, глядишь,

¹ Черкасы — одно из названий казаков.

и наберем людей. А там житье веселое, глупостями заниматься им некогда будет.

— Умно придумано, — ухмыляется Пушкарев. — И дело сделаем, и горлопанов уйдем.

— А ты что скажешь, генерал? — поворачиваюсь я к отмаличивающемуся сегодня фон Гершову.

— Надо будет много солдат, мой кайзер, — рассудительно отвечает Лелик. — Много пушек, оружия, материалов для постройки укреплений, много людей. Всего много. И много крестьян, которые будут обрабатывать землю и кормить ваших ратников. Где вы их возьмете?

— Делов-то, — пренебрежительно отмахивается Вельяминов. — Мало ли гулящих? Кликнем — сами отовсюду сбегутся!

— Это верно, люди найдутся, — с легкой усмешкой отвечаю я. — Тебе, кстати, братец давно не писал, что там в империи делается?

Крытые возки один за другим заезжали в Кремль и по очереди останавливались перед Золотыми сенями. Расторопные холопы тут же откидывали полог и помогали хозяевам выбираться на свет божий. Лучшие люди государства со своими домо-чадцами, отдуваясь, поднимались по лестнице, где их встречал Никита Вельяминов и приглашал пройти внутрь. Ему сегодня выпала честь быть распорядителем, и он, как всегда, ревностно приступил к своим обязанностям.

Изумленно прислушиваясь к звукам музыки, бояре в долгополых шубах и горлатных¹ шапках проходили в палату, недоверчиво косясь по сторонам. Жены и дочери испуганно жались рядом с ними. Последние, впрочем, то и дело бросали любопытные взгляды на убранство, а также пригожих стольников, подносявших гостям на серебряных подносах горячий сбитень.

— Государь-то когда придет? — поинтересовался у Никиты князь Долгоруков.

— Скоро, князь Владимир Тимофеевич, — отвечал ему окольничий, бросив мимолетный взгляд на идущую следом княжну Марью.

¹ Горлатка — высокая боярская шапка, сделанная из горлышек пушных зверей.

Та, заметив его внимание, густо покраснела и отвернулась, чтобы батюшка не заметил ее смущения.

— И что, в неметчине часто такие приемы устраивают?

— Если при дворе, то, почитай, что каждый день. А люди попроще — кто раз в неделю, а кто и не каждый месяц.

— А ты бывал там на таких?

— Конечно, бывал. И у короля свейского, и у набольшего боярина тамошнего Аксея Оксеншерны доводилось.

— Ну-ну.

Скоро палата наполнилась гостями. Одни расселись на лавках, стоящих вдоль стен, другие, сбившись в кучки, принялись что-то обсуждать между собой. Третьи голодными глазами косились на столы, уставленные всяческой закуской.

— Государь! — громко объявил Вельяминов и трижды стукнул посохом по полу.

Нанятые в Кукуе музыканты заиграли что-то торжественное, и в палату быстрым шагом вошел я. Большинство присутствующих тут же, где стояли, повалились в ноги.

— Здорово, бояре, — поприветствовал их я, глядя сверху на спины. — Ну, вставайте уже. Хватить бородами пол протирать. Слушайте указ: на приемах и прочих собраниях государю и государыне земно отнюдь не кланяться, а вести себя вольно и отменно веселиться! Все вняли? Тогда поднимайтесь!

— Как же это, царь-батюшка? — практически стонет кто-то из бородачей.

— Это кто тут веселиться не хочет?! — давлю на корню дискуссию.

Таковых не оказалось, и я направляюсь напрямик к накрытым столам. Рядом со мной тут же возникают два столы и кравчий с кувшином рейнского вина. Золотисто-янтарная жидкость, булькая, наливается в кубки, вызывая у бояр и окольных все больше недоумения.

— Сие, гости дорогие, — громко объявляет собравшимся Вельяминов, — есть «шведский стол»! Угощайтесь невозбранно, кто чем хочет, за здоровье великого государя и его супруги — царицы Катарины!

— Это как? — изумляется Долгоруков.

— Да так, — сбивается с торжественного тона Никита, — до чего дотянулся, то и сожрал!

— Ну прямо как в Европе, — ухмыляется Владимир Тимофеевич, но, не перечая, идет к столу и, получив кубок, выбирает себе кусок буженины.

Его пример оказывается заразительным, и скоро все «лучшие люди» моего царства, провозгласив мне здравицу, выпивают и закусывают. Под рейнское нововведения воспринимаются не в пример лучше, и бояре потихоньку успокаиваются. Однако главный сюрприз еще впереди. Распорядитель снова стучит посохом в пол, после чего объявляет:

— Государыня Катарина Карловна!

Все присутствующие оборачиваются и склоняются в низком поклоне, а когда выпрямляются, по рядам начинает скользить шепоток. И есть от чего: если к виду моей супруги и ее немецких и шведских придворных дам все привыкли, то теперь в их ряду стоят и русские боярышни, одетые в такие же иноземные платья. И прежде всего, конечно, Алена. В небесно-голубом платье с пышными рукавами. Большой вырез — еще не декольте, но достаточно открывающий шею и плечи, окаймлен стоячим воротником из тонких кружев.

Я на секунду застываю с открытым ртом, но тут же преодолеваю удивление и иду к жене. Взявшись с Катариной за руки, мы обходим гостей, говорим какие-то приветливые слова, милостиво киваем, отвечая на поклоны, — в общем, ведем себя как радушные хозяева, и только мне ужасно хочется обернуться, чтобы увидеть Алену. Просто шея затекла от постоянных усилий сдерживаться.

Впрочем, есть еще один человек, для которого внешний вид девушки оказался сюрпризом, — ее брат Никита. Лицо у окольничего окаменело, глаза мечут молнии, а ноздри раздуваются от еле сдерживаемой ярости. На какое-то время он даже забывает о своих обязанностях, но затем приходит в себя и продолжает как ни в чем не бывало вести вечер. Только время от времени бросает на сестру многообещающие взгляды. Похоже, тут моя супруга перестаралась. Интересно, а чего она хотела этим добиться?

Следующим номером нашей программы идут танцы. В смысле европейские. В последний раз в Кремле так танцевали на свадьбе Лжедмитрия и Марины Мнишек. Правда, есть разница. Несмотря на то что москвичи добровольно впустили войска Самозванца, польские шляхтичи вели себя в русской

столице как завоеватели, а потому быстро заслужили искреннюю ненависть местных жителей. Поэтому тот бал воспринимался как очередное издевательство зарвавшихся врагов.

Сейчас же все проще, несколько молодых офицеров из числа моих мекленбуржцев и немецких и шведских девушек, принадлежащих к свите Катарины, исполнили сначала сарабанду, затем павану, а закончили все веселой гальярдой¹. В общем, и сами развеялись и публику развлекли, и, если подумать, никаких традиций особо не нарушили. Ну мало ли эти стены скomoroxов видели?

Тут нужно пояснить один момент. Я и сам прежде, грешным делом, думал, что до Петра Алексеевича, которого в этом варианте истории уже, скорее всего, не случится, на Руси при дворе не танцевали. На самом деле все немного не так. Точнее, совсем не так. Тут все зависит от обстоятельств. На пирах, где царь-батюшка, сиречь я, что-либо празднует со своими приближенными, иными словами, в чисто мужской компании, танцы действительно редкость. Потому как члены Боярской думы — люди, как правило, в возрасте, в теле, и вообще им «невместно». Да и куда им плясать, с такими-то бородами? Но вот более молодым и неженатым дворянам выйти в круг и показать себя совсем не зазорно. Более того, это своего рода молодечество.

Совсем другое дело, скажем, на свадьбе. Тут, приняв на грудь изрядную дозу горячительного, любой седой как лунь боярин, с бородой по пояс, может такое выдать, что пол ходуном ходит, особенно если рядом кружится с платочком в руке его дородная боярыня. Ей-богу, не вру — сам видел!

Пока немцы развлекали танцами гостей, Вельяминов с отсутствующим видом пытался подобраться поближе к сестре, которую, как на грех, подозвала к себе Катарина Карловна. Прервать беседу государыни было немислимо, но вечно продолжаться она не будет, а что может учудить мой окольниковый, проверять не хотелось.

— Мадам, я ненадолго покину вас, — со всей возможной учтивостью сказал я жене, и, бросив мимолетный взгляд на Алену, поднялся с кресла.

¹ Сарабанда, павана, гальярда — европейские танцы, популярные в XVI–XVII вв.